

СВЕТ В ОКНАХ

христианская художественная проза

иеромонах Евтихий

Иеромонах Евтихий

Свет в окнах

«Автор»

2026

Евтихий И.

Свет в окнах / И. Евтихий — «Автор», 2026

Где-то в глубине души каждый из нас ждёт рассвета. А пока за окнами ночь, мы мечемся, теряем близких и пытаемся убежать от самих себя. Эта книга — словно тёплый свет в окнах родного дома, который зовёт вернуться, покаяться и начать жить заново. В сборник вошли 30 историй о Евтихия — простых и глубоких, как сама жизнь. Герои — обычные люди: дальнбойщики и бухгалтеры, художники и врачи. Каждый стоит на пороге, за которым — бездна или надежда. Сможет ли отец, предавший семью, услышать слова прощения? Что окажется сильнее — гордыня или любовь, способная терпеть годами? Как увидеть Бога, если вокруг, кажется, одни грешники? И что делать, когда вера превратилась в привычку? Это не сборник проповедей, а книга о каждом из нас. О тихих чудесах, которые происходят на кухне, в больничной палате или в кабине автобуса. О простом, но трудном пути к себе настоящему — через боль, слёзы и смирение. Если вам нужен живой опыт веры, откройте эти страницы. Возможно, одна из этих историй окажется и о вас.

© Евтихий И., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Когда гром уже грянул	5
Зачем я страдаю	10
Металлолом души	13
Отче наш	17
Пока горит лампочка	21
Крёстная	25
Сбор закрыт	28
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Свет в окнах

Когда гром уже грянул

Глава 1. Священник в зеркале заднего вида

Автобус повело на обледеневшей трассе так резко, что Виктор ударился грудью о руль. Тяжелый междугородний автобус с сорока пассажирами в салоне пошел юзом по трассе М-7 — двенадцать метров слепой, неуправляемой массы, скользящей к обочине. Пассажиры закричали все разом. Кто-то ударился головой о поручень. А женщина в конце салона, пожилая, в сером пуховом платке, вдруг заголосила тонко и страшно: «Господи, помилуй! Господи, помилуй!» Эти слова резанули слух Виктора своей неожиданностью, как будто вторглись в его мир, где он привык рассчитывать только на себя.

Он быстро выкрутил руль — мышцы сработали раньше рассудка, тридцать лет за баранкой не прошли даром. Автобус замер в полуметре от кювета. В салоне повисло молчание — то особое, звонкое безмолвие, какое бывает только после того, как смерть прошла вплотную и отступила.

Виктор перевел дыхание, разжал побелевшие пальцы — и только тогда заметил в зеркале заднего вида молодого священника. Тот сидел спокойно, прижимая к груди старый, потертый рюкзак, и смотрел прямо на Виктора. Не на дорогу, не в окно — именно на него, на водителя. Во всем салоне, полном перепуганных людей, один этот человек оставался совершенно спокойным.

— Ну, пронесло, — хрипло выдохнул Виктор и потянулся к пачке сигарет, хотя курить за рулем запрещалось. Но сейчас ему было плевать.

До плановой остановки оставалось двадцать километров. Виктор Рогов, сорокадевятилетний водитель с тридцатилетним стажем, повел машину дальше почти механически — руки сами помнили каждый поворот этой трассы. Крупный, начинающий грузнеть мужчина в потертой синей форме автопредприятия, он давно стеснялся своей грузности и оттого сутулился, из-за чего казался ниже и старше. Лицо — серое, с глубокими складками у рта, воспаленные глаза (вечный недосып), левый мизинец не гнулся — память о драке с пьяным пассажиром пятнадцатилетней давности, когда пришлось отбиваться монтировкой на ночной трассе.

Остановка — бетонный пятачок с покосившимся павильоном и облупившейся вывеской «Лавка. Чай. Пирожки». Пассажиры потянулись наружу — размять ноги, перекурить. Виктор вышел последним, закурил, привалившись спиной к холодному борту автобуса. Снег падал редкими, тяжелыми хлопьями.

Священник появился рядом неожиданно. Помолчал, словно сомневаясь, стоит ли вообще начинать разговор. Потом тихо спросил:

— Простите... Ваша фамилия ведь Рогов?

Виктор насторожился. Священников он не жаловал — давно, еще с тех пор, как бывшая жена после развода начала ходить в храм и, по его мнению, «ударилась в религию».

— Ну, Рогов. А что?

Священник переступил с ноги на ногу. Он был совсем молодой — лет тридцати пяти, не больше. Рыжеватая борода сбилась набок после сна в автобусе, темная куртка поверх подрясника явно видала лучшие времена, глаза красные от долгой дороги.

— Тогда... кажется, я знал вашу дочь. Лену. Когда садился, увидел вашу фамилию на маршрутном листе возле кабины. Лена часто говорила о вас... Я сразу подумал: неужели тот самый Виктор Рогов?

Виктор замер с сигаретой в зубах. Внутри будто что-то оборвалось.

— Вы про нее... что?

— Меня зовут отец Алексей. Я служу в Никольском храме, это в Сосновске. Лена несколько лет помогала у нас в социальном центре. Она... — священник осекся, подбирая слова.

— Что — она? — голос у Виктора стал глухим, чужим.

— Ее не стало три недели назад.

Отец Алексей заговорил — негромко, медленно, словно разматывая клубок, который жег ему руки.

Пятиэтажка на окраине Сосновска. Ночь. Загорелась проводка — старая, еще советская, алюминиевая, которую давно пора было менять. Дым пошел по подъезду стремительно, отрезая людям выход. Лена вывела на улицу соседского мальчишку — Ваньку с третьего этажа. Могла бы остаться, уже была в безопасности — но поднялась снова: на пятом этаже жила бабушка, девяностолетняя Вера Степановна.

— Она всегда так, — сказал священник, глядя куда-то вдаль. — Если видела чужую беду — мимо не проходила. Характер у нее был непростой, знаете. Упрямая очень. Иногда вспыхивала так резко, что потом сама приходила просить прощения. Могла спорить до слез, если считала, что с кем-то поступили нечестно. Один раз из-за нее половина добровольцев рассорилась — она настояла, чтобы деньги на праздник отдали не на украшения, а на лекарства для стариков. Но чужую беду... нет, мимо не проходила никогда.

Отец Алексей немного помолчал, как будто припоминая, и продолжил:

— Бабушку она вытащила. А сама надышалась дымом. Умерла в реанимации через три дня — отказали легкие. Похоронили на городском кладбище, за восточной стеной, где молодые березы.

Виктор молчал. Он не знал, где живет дочь. Не знал, что она работала в храме. Не знал, что у нее вообще была какая-то жизнь помимо той, которая оборвалась десять лет назад, когда он ушел из семьи с чемоданом в одной руке, с бутылкой — в другой. Все, что он о ней знал — что была, а теперь ее нет.

Глава 2. На волосок от смерти

Трасса петляла между заснеженными перелесками. Смеркалось — зимний день короток, и уже к четырем небо налилось синевой, предвещавшей ночь. Виктор гнал мысли о Лене прочь, но они назойливо возвращались.

Подросток вылетел на дорогу внезапно. Темная куртка, наушники, даже не обернулся — просто шагнул с обочины, уткнувшись в телефон. Виктор ударил по тормозам, вывернул руль влево — автобус закрипел, застонал, пассажиры снова закричали. Подросток скользнул в полуметре от правого борта — тень, даже не вздрогнувшая от рева клаксона.

Виктор остановил автобус. Заглушил двигатель. И вдруг его накрыло — не страх, не облегчение, а что-то, чему он не знал названия. Руки задрожали так, что он не мог повернуть ключ в замке зажигания. Зубы застучали.

Пассажиры высыпали наружу — курить, ругаться, кричать. Кто-то стучал в дверь кабины, диспетчер орал по рации. А Виктор неподвижно сидел, вцепившись в руль.

Он поднял глаза в зеркало заднего вида. Салон был пуст. И вдруг в этом зеркале, в полумраке пустого салона, ему на мгновение почудилось лицо Лены — не взрослой, а той пятилетней девочки, которая когда-то ждала его из рейса.

Пятнадцать лет назад, вернувшись из недельного рейса, он застал Ленку у окна. Она спала прямо на подоконнике, прижав к груди плюшевого зайца: ждала отца и не дождалась. Тогда он только раздраженно буркнул жене: «Совсем избаловала». Но почему-то именно это

лицо — приплюснутое к стеклу — вспоминалось ему всякий раз, когда становилось особенно тошно.

Ей было столько же, сколько тому парню, когда он последний раз видел ее перед разводом. Она стояла в дверях и молча смотрела, как он уходит с чемоданом. И сейчас он вдруг подумал — с тоскливой, мучительной ясностью: «Если бы я тогда остался... может, она сейчас была бы жива».

Он понимал, что эта почти детская мысль — глупая и неправильная. Но она жгла изнутри, и слезы — злые, мужские, которых он не позволял себе много лет — потекли по небритым щекам.

Дверь кабины открылась. Отец Алексей молча протянул ему бутылку воды.

— Ты чего? — Виктор вытер лицо рукавом, зло, стыдясь своей слабости. — Я в порядке. Отстань.

— Я вижу.

— Ничего ты не видишь. Святоша...

— Я вижу, что тебе больно, — спокойно ответил священник. — И это нормально.

Глава 3. Разговор поздним вечером

Рейс закончился поздним вечером. Пустая автостанция, мокрый снег в свете фонарей, редкие таксисты на стоянке. Пассажиры разошлись. Виктор и отец Алексей остались вдвоем на холодном ветру.

— Я, знаешь, что думаю? — сказал Виктор глухо, глядя куда-то в сторону. — Я ее предал. Я всех их предал. Жену, дочь... себя самого. Жил как... как зверь какой-то. Рейсы, водка, бабы — все, лишь бы домой не возвращаться. Потому что дома я был никто.

Священник помолчал, поправил сползший с плеча рюкзак.

— Знаешь... человек часто думает, что раскаяние — это когда себя ненавидишь. А это не так. Покаяние — это когда перестаешь врать. Хотя бы самому себе.

Виктор усмехнулся криво:

— И что дальше?

— А дальше — по-разному. Святые отцы говорят: признать свой грех — это уже начало исцеления. Знаешь, Виктор... хуже всего не тогда, когда человек упал. Хуже — когда он лежит и делает вид, будто так и надо. А если больно стало — значит, душа еще живая.

— Да, я не святой, — Виктор сплюнул. — Я просто... устал жить. Как пацан тот, на дороге. Даже не обернулся. Вот так и я всю жизнь — даже не оборачивался.

— Вот Господь и заставил сделать остановку, — задумчиво ответил отец Алексей. — Теперь важно пойти в правильном направлении. Бог ждет тебя с покаянием — и в церкви и дома.

Ветер трепал его рыжеватую бороду, в свете фонаря лицо казалось совсем молодым — почти мальчишеским. Он положил руку на плечо Виктора, а потом ушел в сторону гостиницы, не оборачиваясь. Водитель еще долго стоял у автобуса, глядя ему вслед, и снег падал на его плечи, не тая.

Он позвонил бывшей жене через два дня. Трижды набирал номер и сбрасывал вызов, стоя у окна своей холостяцкой квартиры. За окном серой ватой висел декабрьский рассвет, на плите стыл недопитый кофе.

Она ответила не сразу. Голос был усталый, но без прежней злобы — той, что звенела между ними годами, не давая даже говорить спокойно:

— Ты чего звонишь, Вить? Случилось что?

— Нет... — он помолчал. — Просто хотел узнать, как там... он?

Пауза. Долгая, тяжелая.

— Растет. На Лену похож. Ему пять. Он тоже щурится, когда думает. Точь-в-точь как она. И в этом «на Лену похож» было столько боли, что Виктор не нашелся, что сказать. Просто стоял и молчал в трубку, пока она сама не отключилась.

Глава 4. Возвращение

На кладбище он поехал через неделю.

Маленький провинциальный город Сосновск — три улицы, храм, автовокзал с облупившейся штукатуркой. Кладбище за восточной окраиной — молодые березы, свежие ограды. Зимой здесь было тихо, почти безлюдно — снег приглушал все звуки, даже собственные шаги казались чужими.

Могила была ухоженная. Крест деревянный, простой. Венки — уже припорошенные снегом, но видно, что свежие. И — цветы. Много цветов. И детские рисунки на альбомных листах, прижатые камешками: солнышко, домик, фигурка с крыльями.

Виктор стоял долго. Мороз щипал щеки, забирался под воротник старой куртки. Он вспомнил вдруг, как спал в автобусе после пьянок — заводил двигатель, включал печку и спал, потому что ехать домой было незачем. Как забывал дни рождения дочери — сначала не со зла, потом уже просто по привычке. Как однажды не приехал на ее школьный выпускной — загулял с мужиками в придорожном кафе и вспомнил только к ночи. Как годами жил в рейсах, потому что дома чувствовал себя ненужным и слабым, а в дороге был царь и бог — крути баранку, и никто тебе не указ.

А она — она прожила свою короткую жизнь гораздо честнее. Просто потому, что не бежала от проблем. Просто потому, что оставалась с теми, кому было больно, — как он сам не смог.

— Прости, доча, — сказал он вслух. — Прости.

Снег продолжал падать — густой, торжественный, словно само небо совершало над этой могилой свою тихую панихиду. И в этой белизне Виктору вдруг показалось — на мгновение, краем сознания, — что прощение возможно. Не потому, что он его заслужил. А потому, что Бог больше человеческих грехов.

А еще вспомнил пословицу, которую часто повторяла его бабушка: “Пока гром не грянет, мужик не перекрестится”. И неумело, как бы вспоминая что-то давно забытое, но родное, перекрестился...

Спустя неделю он стоял у дверей бывшей жены, сжимая в руке машинку на радиоуправлении. Старая «хрущевка», облупившаяся краска на подоконниках, знакомый до дрожи запах подъезда.

— Ты зачем? — спросила она сухо, не открывая дверь до конца. Постарела, под глазами тени, седина на висках — но все та же гордая посадка головы, которую он когда-то так ненавидел.

— Я не к тебе, — глухо сказал Виктор. — Я к внуку. Ленка... она бы хотела, чтобы я его увидел.

Пауза — долгая, как зимняя ночь, и тяжелая, как все, что лежало между ними.

За дверью послышались торопливые шаги. На пороге появился мальчик в полосатой пижаме, босой, сонный, с растрепанным вихром. Посмотрел снизу вверх и спросил без страха:

— Ты кто?

— Это дедушка Витя, — устало сказала бывшая жена и посторонилась.

Мальчик перевел взгляд на коробку:

— Это мне?

И вдруг — совсем как когда-то Лена — чуть прищурился.

Дверь медленно открылась, впуская Виктора внутрь. И первое, что он увидел — зеркало в одежном шкафу. А в нем себя — осунувшегося, постаревшего лет на десять...

На следующее утро Виктор не поехал в гараж. Впервые за много лет он сам, добровольно, зашел в тот самый храм, куда его водили в детстве мать и бабушка. Долго стоял перед иконой Спасителя, не умея молиться и не находя нужных слов. Но ему не хотелось отсюда уходить.

Зачем я страдаю

Я лежал на кровати в своей монастырской келье и одними губами шептал:— Слава Богу за все! Слава Богу за все! Слава Богу за все!

Только что вернулся с кухонного послушания. Меня благословили петь и читать на клиросе, но старшая монахиня не дает: заваливает работой, придирается, язвит. Мало того, что в мужском монастыре ответственная за послушание — женщина, так еще и несправедливо строгая, даже жестокая. А тут в добавок старая болезнь обострилась — болит поджелудочная. Она всегда воспаляется, когда нервничаю. Но сильнее всего ноет душа. Сил нет. Уныние, доходящее до отчаяния

В такие моменты, кроме молитвы, мне помогало чтение писаний святых отцов, особенно святителей Игнатия Брянчанинова и Феофана Затворника. У них много статей о скорбях, о несении своего креста. Такое чтение утешает: понимаешь, что Бог так воспитывает Своих любимых непослушных детей, очищает от грехов, готовит к вечной жизни среди ангелов и святых. Святитель Игнатий прямо пишет: *«Терпящий скорби, но не исправляющийся ими, есть прелюбодей, а приемлющий скорби, как посланное от Бога врачевство для уврачевания больного сердца своего, приемлет их с благодарением и ими исцеляется».*

И все же остается вопрос: а нельзя ли всего этого достигнуть без такой боли, без скорбей? Каким-нибудь другим, безболезненным способом? Почему так надо, чтобы «Бог терпел и нам велел»?

Как-то приехал ко мне в обитель мой друг, Александр. Он тогда уже был женат, у него рос сын и ему уже было за сорок. После работ на монастырском огороде мы отдыхали в тени церкви на скамейке недалеко от нее. Я стал рассуждать о скорбях и заметил:

— Вот святитель Игнатий пишет: не надо удивляться, что в мире не было у нас таких скорбей, как в монастыре. Потому что мы пришли работать Богу, и враг с особенной жесточенностью нападает на воинов Христовых. Скорби — признак богоугодности.

На что мой друг возразил:

— Скорби приводят к Богу не только монахов.

И поделился своей историей.

— Ты помнишь, — начал Александр, — когда у нас родился Витька? Это было счастье. Но роды оказались тяжелыми, Мария долго не могла оправиться, а сын родился слабеньким, постоянно болел. О близости не могло быть и речи почти год. Понимал: жена вымотана, ребенок требует внимания. Но куда деваться мне? Ведь я же живой человек.

Он замолчал, глядя куда-то в сторону леса, потом продолжил:

— Чтобы не изменять жене физически, я нашел, как мне казалось, безобидный выход: порносайты. Сначала редко, потом чаще. Я успокаивал себя: ведь никого же не трогаю, сижу дома и люблю Марию. Это просто разрядка. Я не понимал, что это та же измена. Не видел, как привычка въедается в душу.

Когда сын подрос и семейная жизнь вошла в нормальное русло, я с ужасом обнаружил, что не могу без этой гадости. Мне нужно было это возбуждение. Я стал ненавидеть себя. Приходил к отцу Владимиру на исповедь, каялся, а он смотрел своими пронзительными глазами и тихо говорил:

— Блудник грешит против собственного тела, а смотрящий на похоть распинает Христа в своем сердце заново. Ты не просто изменяешь жене, Саша. Ты делаешь ее образ в своем уме грязным. Это также страшно, как связь на стороне.

Я ставил блокировки на телефон, постился, молился. А ночью, в бессонницу, руки сами тянулись к браузеру. Падения следовали одно за другим.

И однажды случилось это...

Мария проснулась ночью, меня не было рядом. Она вышла в гостиную и увидела смартфон в моих руках. На экране мелькали тела. Она не закричала, но сказала шепотом, ледяным, как вода в крещенской проруби:

— Я думала, ты устал на работе. А ты Ты смотришь на это, когда я сплю в соседней комнате? Ты болен!

Я начал оправдываться, потом разозлился, брякнул:

— Да что ты понимаешь!

И тут я увидел ее глаза. Она не кричала, не била посуду, а просто сказала:

— Ты изменял мне. Не телом — душой! Я не хочу, чтобы Витя рос рядом с таким отцом.

Она собрала вещи, забрала сына и уехала к матери.

Я остался один. Сначала злился: «Она преувеличивает!». Потом пришла пустота, за ней — апатия и почти запой. Работа посыпалась: я сорвал сроки по крупному проекту, потерял заказчика. Понял, что без семьи я — ничто. И тогда впервые по-настоящему испугался. Пытался мириться: носил цветы, писал письма, обещал. Мария отвечала холодно:

— Я не верю тебе.

И вот тогда наступила та самая ночь. Самая страшная в моей жизни. Я сидел в пустой квартире, пил, кажется, потом упал на колени посреди комнаты и закричал:

— Господи! Зачем я страдаю?! Я же никого не убил! Я же хотел как лучше!

В ответ — тишина. Такая плотная, что звенело в ушах. И вдруг мысль, страшная и ясная: «Ты думал о себе, а не о жене. Ты хотел не потерять удовольствие, а не уберечь любовь».

Я вспомнил слова апостола Павла: «*Все мне позволительно, но ничто не должно обладать мною*». И понял: мною завладела страсть. Она пустила корни глубоко — в самую душу. И вырвать ее можно только с кровью.

Я не давал Богу эмоциональных обещаний. Я просто сказал: «Если нужно, Господи, пусть мне будет стыдно. Пусть будет тяжело. Только спаси. Я сам не могу».

И я начал бороться: ставил жесткие блокировки на все устройства, убирал смартфон на ночь в ящик и ключ прятал у соседа, открыто писал духовнику о каждом срыве, просил молитв. А главное — я согласился на боль. Перестал убегать от нее.

Прошли месяцы. Я регулярно исповедовался, постился. Стал помогать в больнице, где лежал мой сын. Просто приходил и делал там мелкую работу: полы мыл, коляски возил. Один раз встретил Марию в коридоре. Мы поговорили. Впервые без оправданий. Я сказал ей:

— Я изменял не тебе. Я изменял любви. И я лечусь. Не знаю, получится ли, но я лечусь.

Она посмотрела на меня долго, потом тихо произнесла:

— Я вижу.

Постепенно, не сразу, она стала возвращаться. Сначала просто разрешила видиться с сыном. Потом мы пили чай на кухне у ее матери. Затем она приехала домой. Это была не вспышка страсти, а осторожная надежда.

Отец Владимир сказал мне тогда: «Теперь ты начал понимать, зачем страдание. Оно вырывает сам корень, а не срезает только листья».

Александр замолчал. Вечерний звон плыл над монастырем, ласковый и грустный.

— Ты спрашиваешь, зачем страдаешь? — повернулся он ко мне. — Я тоже спрашивал. А потом понял: страдание — это когда Господь берет скальпель. Не для наказания, а чтобы спасти. Если бы не та боль, я бы так и остался в своей красивой квартире с прекрасной женой и благополучной жизнью — но с гнильцой внутри. А теперь Теперь я знаю, что немощен, и знаю, Кто меня держит на плаву.

Он уехал. А я остался сидеть на скамейке. Вспомнил строгую монахиню на кухне, свои болезни, обиды. И вдруг увидел их другими глазами. Ведь именно она, эта женщина, своим давлением не дает мне расслабиться и возомнить о себе. И болезнь также смиряет мою гордыню. Это Господь режет мою душу, чтобы вырезать раковую опухоль самости.

Вспомнил я и слова своего духовника: «Когда порежешь палец, то уже не до блудных мыслей, а весь сосредотачиваешься на боли и о другом думать не можешь». Так и скорби: они отрезвляют. Они возвращают нас в реальность, где мы — не великие подвижники, а просто больные люди, которым нужен Врач.

Еще вспомнил, как читал в книгах по психологии, что в мозгу существуют центры возбуждения. Вот эти центры и соответствуют нашим страстям. Чтобы снять возбуждение, надо создать новый центр, более мощный. Именно скорбь создает такой центр, который помогает успокоить страсть. Создателю эта механика известна лучше, чем нам

Получается, не хочешь страдать — не надо грешить и особенно привыкать к греху.

Я поднялся, перекрестился на золотой купол в лучах заката и пошел в келью. Открыл томик святителя Феофана Затворника, и глаза упали на знакомые строки:

«Скорби — Божий дар; они, являя душе ее нечистоту и страстность, невольно заставляют ее искать врачевства в Боге и тем невидимо приближают к Нему. Где нет скорбей, там нет и спасения, ибо там нет смирения».

Я закрыл книгу и тихо сказал в сгущающуюся темноту:

— Господи если надо — режь. Только не оставляй.

Металлолом души

Глава 1. Находка

На пункт приема металла под вечер притащили на эвакуаторе останки «Газели», разбитой в лобовом столкновении. Кабина — в гармошку, капот вдавлен внутрь, лобовое стекло осыпалось мелкой стеклянной крошкой. Среди ржавого железа рабочие обнаружили насквозь промокший портфель водителя.

Приемщик Семеныч брезгливо вытянул его из-под сиденья. Портфель раскрылся, и на бетонный пол упала книга. Тяжелая, в потемневшем от времени переплете, с тиснением: «Святое Евангелие».

Он нагнулся. На форзаце дрожащим старческим почерком было выведено фиолетовыми чернилами:

«Сынок, не оставляй молитву. Мама».

Рука Семеныча дрогнула. Надпись «мама» ранила его, словно ножом. Он вспомнил мать, тихую вдову тракториста. Ее лампадку и икону Спасителя на стене в горнице. И то, как она пела «Милость мира» тонким, дребезжащим голосом. Он вспомнил, как стоял рядом и подпевал — до того самого дня, пока не ушел в армию.

В этот момент в кармане запиликал телефон.

Соседка Марья Петровна кричала в трубку, что Антонина Сергеевна ночью преставилась. Инсульт. Просила помочь организовать похороны.

Семеныч сжал книгу в руке так, что побелели костяшки. Из горла вырвался мат — не от злости, а от бессилия. Потом нашарил на груди крестик и сжал поверх спецовки так сильно, что шнурок впился в шею

Я познакомился с Семенычем буквально за три дня до описанных событий. Приехал на пункт приема металла вскоре после обеда. Майское солнце уже припекало по-летнему, и над промзоной дрожало нагретое марево. Моя «Нива», груженная ржавым кровельным железом после ремонта трапезной, тяжело просела. Ворота были распахнуты, и оттуда тянуло знакомой смесью солярки, машинного масла и нагретого железа. Грохотал пресс, кричали гастарбайтеры. Молодой узбек Ахмед в засаленной куртке ловко орудовал погрузчиком, а двое других разгружали «Газель», перебрасывая друг другу покореженные трубы, точно играючи. Где-то надсадно был двигатель, и в воздухе висела тонкая металлическая пыль, от которой першило в горле.

Приемщик — мужик лет под шестьдесят, широкоплечий, но какой-то выгоревший изнутри — стоял у весов и не глядя бросал короткие фразы рабочим:

— Взвешивай. Туда. По паспорту.

Лицо было серое, тяжелое, будто годами подкопченное гарью и бессонницей — резкие, крупные черты, глубокие залысины неопределенного цвета, тяжелый подбородок с ямкой. Глаза — мутные, бесцветные, затянутые матовой пленкой, какая бывает у старых окон в заброшенных домах. Я видел сейчас перед собой живого мертвеца. Такое он создавал впечатление.

Я заметил на его шее старый латунный крестик — дочерна окислившийся, почти незаметный под воротом грязной спецовки. Приемщик машинально тронул его большим пальцем, прикидывая что-то в уме, пока рабочий взвешивал мой металлолом. Крестик был явно когда-то детским — маленький, с обломанным ушком, на толстом витом шнурке, потемневшем от времени. Удивительно: человек, казалось, умерший изнутри, все еще хранил эту святыню. Не снимал, не выбрасывал. Держался за него как за последнюю ниточку, связующую с прошлым.

— Вам четыреста двадцать, — бросил он мне, сунув мятые купюры.

Я взял деньги. На мгновение наши взгляды встретились, но он тут же отвел глаза — не как человек, которому стыдно, а как тот, кому просто все равно. Его руки, покрытые сеткой синеватых шрамов, хранили память о литейном цехе, как я узнал позднее — уже переключивали какие-то бумаги на замызганном столе. Я уехал, но лицо этого человека, в котором словно не осталось ни капли жизни, запало в память. «Господи, — подумалось мне тогда, — как же можно так окаменеть сердцем?»

Антонина Сергеевна, его квартирная хозяйка, была единственным человеком, с которым он разговаривал по-человечески. Об этом мне рассказал сам Семеныч много позже. Старуха восьмидесяти четырех лет, согнутая почти до земли, с лицом, собранным в мелкую сетку морщин, и руками, узловатыми от артрита. Она по вечерам стучала в его дверь и молча ставила на стол тарелку с горячим. Иногда — борщ с говяжьей косточкой, иногда — пшеничную кашу с тыквой. Никогда не спрашивала, почему от него пахнет водкой. Только смотрела поверх запотевших очков долгим, все понимающим взглядом, и от этого взгляда у Семеныча перехватывало горло. Однажды, когда он после недельного запоя лежал пластом, Антонина Сергеевна заштопала ему рукав на единственной куртке и положила сверху записку: «Ты только совсем не пропадай, Семен. А то кто ж мне таблетку подаст». Он тогда хмыкнул, но записку не выбросил. Потом много раз находил у двери банку с солеными огурцами, завернутые в газету пирожки. Или таблетки, аккуратно разложенные по дням.

И вот теперь ее не стало

Глава 2. Похороны

На отпевании в Никольском храме Семеныч стоял у гроба, непривычно трезвый, в чужом пиджаке — у Мамеда с плеча. Запах ладана, воска и лампадного масла напомнил детство: мать зажигает свечку, поет «Верую», а он стоит рядом и подпевает.

Когда священник возгласил «Вечная память», Семеныч вздрогнул всем телом. По его щеке медленно покатила единственная слеза — тихая, почти незаметная. Он зло вытер ее рукавом.

Вернувшись в каморку, попытался пить. Водка не шла — всегдашний друг неожиданно стал противен. Это испугало его сильнее всего.

Тогда он зажег настольную лампу с абажуром из пожелтевшей газеты и достал то самое Евангелие. Долго сидел, не открывая. Потом неуклюже перекрестился — забыл, как правильно складывать пальцы. Его рука снова нашарила крестик на груди, и он прижал его, не снимая, к губам.

— Господи если Ты есть помоги, — прошептал он.

Открыл наугад. Евангелие от Матфея, глава одиннадцатая. Глаза спотыкались на ять и мелком шрифте, но одно место вдруг остановило его:

«Придите ко Мне все труждающиеся и обремененные, и Я упокою вас».

Семеныч прикрыл глаза. Эти слова упали в него, как камень в стоячую воду. «Труждающиеся обремененные упокою» — это было про него. Про двадцать лет у плавильной печи, про Чечню, про жену Нину, уехавшую навсегда, про сына Пашку. И про Антонину Сергеевну, которая не укоряла его ни разу, хотя имела полное право.

Он читал до третьих петухов. Заснул прямо за столом, уткнувшись головой в раскрытую книгу.

Три следующих дня Семеныч ходил как потерянный. Ахмед, заметив его состояние, молча принес ему яблоко и положил на стол. Семеныч кивнул и впервые за много лет ответил не ругательством, а человеческим словом:

— Спасибо.

Ахмед смутился, но улыбнулся.

Вечером Семеныч зажег свечку перед старой, поставленной на подоконник иконой, и попытался молиться. Своими словами. Не вышло. Он злился, срывался в привычный мат — и тут же осекался. Он пытался вспомнить даже не слова — как вообще начинают говорить с Богом.

— Не умею. Разучился, — бормотал он.

И вдруг вспомнил материнскую молитву: «Богородице, Дево» Читал тонким, срывающимся голосом, как в детстве, и рука сама легла на крестик.

Глава 3. Нервный срыв

На четвертый день Семеныча накрыло.

Он пошел не домой, а в знакомый гараж к давнему собутыльнику Колян по кличке Гусь. Там уже «грелись» трое. Семеныч сел, молча налил себе полный стакан, выпил залпом. Сначала над ним собутыльники беззлобно подтрунивали:

— Че-то ты в язвенники-трезвенники записался. Не заходишь.

Семеныч молчал. Но какое-то мрачное раздражение подступило к горлу. И вдруг ему стало страшно. Если он сейчас снова запыет — назад дороги уже не будет.

И тут Колян заметил Евангелие, торчавшее из кармана его куртки. Он потянулся и выхватил книгу. Увидев, что это, собутыльник оторопел:

— Ты че, в церковь ходишь? Святошей стал?

Семеныч вскочил.

— Отдай, — сказал он тихо.

Но Колян уже раскрыл Евангелие и начал с хохотом читать вслух нараспев. Остальные подхватили:

— Глянь на него. С Библией бухать пришел!

— Батюшкой станет, — заржал Гусь.

— Ты еще с кадилом ходить начни, — подхватили дружки.

Семеныч вырвал книгу, толкнув Коляна в грудь. Чья-то рука схватила его за плечо, пытаясь остановить. Он рывком сбросил ее и тут же началась драка. Краткая, жестокая.

Семеныч не помнил, как его ударили монтировкой. Не видел, как приехала скорая. И как оказался в реанимации.

В больнице медсестра, прежде чем подключить капельницу, попыталась снять с него крестик — металлические предметы не допускались при процедуре рентгена. Семеныч, еще в полубреду, неожиданно сильно сжал ее запястье:

— Не трожь... Верни...

Медсестра удивилась, но кивнула и пообещала: «Не волнуйтесь, он будет у вас в тумбочке». И сдержала слово.

Глава 4. Исповедь

Меня вызвали через два дня: в больнице попросили священника — пациент из реанимации, тяжелый, требовал сам.

Я вошел в палату и узнал его. Того самого приемщика с мутными глазами. Сейчас передо мной лежал раздавленный, но совершенно другой человек. Матовая пелена исчезла из глаз — они покраснели и воспалились, но в глубине их мерцал свет надежды.

— Батюшка — прошептал Семеныч. — Я ведь никого не видел. Люди, работа все как железо было. Я сам как железяка стал. Пустой совсем

Он плакал, не стесняясь слез. Исповедь была горячей, сбивчивой:

— Сына похоронил — и будто все внутри заколотили досками

- Живой был, а сам как покойник ходил
- Даже мать перед смертью не вспоминал годами

Потом попросил привезти Евангелие и вернуть крестик. Я выполнил обе просьбы. Крестик он сразу надел, прижал к губам и вздохнул с облегчением. Пальцы у него дрожали так сильно, что он не сразу попал в ушко шнурка.

Как он мне рассказал, Павлуша — его родной сын — утонул в одиннадцать лет, в мутной илистой речке, когда они жили в Ельце. А потом была Чечня, горы в дыму, мокрый бушлат. Корнеев, показывающий фотографии дочери за пять минут до того, как его накрыло миной. Это было страшно и неправильно. Семеныч тогда потерял веру — не в Бога, а в справедливость. Он не срывал крестик с шеи, нет — просто перестал молиться. И крестик, когда-то подаренный матерью на крестины Пашке, а после его похорон надетый Семенычем на свою грудь, стал просто воспоминанием о сыне, не больше.

На следующий день я пришел с книгой. Семеныч, еще очень слабый, попросил почитать вслух. Я открыл притчу о блудном сыне.

— «И когда он был еще далеко, увидел его отец его и сжалился, и, побежав, пал ему на шею и целовал его».

Семеныч закрыл глаза. По щекам текли слезы. В палате стало очень тихо. Слышно было только его тяжелое дыхание и пиканье монитора.

Эпилог

Через месяц Семеныч выписался. Худой, бледный до прозрачности. Он пришел в Никольский храм — тот самый, где отпевали Антонину Сергеевну. Неуклюже крестился, поставил свечу перед образом Спасителя. Задержался на службе.

Он стоял в углу, у колонны. Слезы текли по щекам, и старушка, молившаяся неподалеку, протянула ему свежий платок.

— Держись, сынок. Господь управит, — сказала она тихо.

Семеныч кивнул. Хор запел «Херувимскую», запахло ладаном и воском. Все это складывалось в его душе в цельную картину — будто разбитое зеркало собрали, и сквозь трещинки стал виден белый свет

Он по-прежнему работает на том же пункте приема. Но теперь не отводит воровато взгляд, а смотрит людям прямо в глаза. Однажды я снова приехал сдавать лом и видел, как он помог Ахмеду донести тяжелый ящик. Тот удивленно спросил его:

— Ей, ара, что с тобой случилось?

— Да вот в себя прихожу понемногу, — ответил просто Семеныч.

А немного спустя на какого-то нерасторопного клиента не заорал, как раньше, а лишь покачал головой и сказал:

— Ничего, бывает.

И крестик его, все тот же, потемневший, уже не прятался под воротом спецовки.

Отче наш

Катастрофа

Мужчина поспешно вошел в храм, когда уже шла Божественная литургия. Он тяжело дышал, будто бежал, и, казалось, не сразу понял, куда попал. Несколько человек обернулись на него, но тут же снова обратились к молитве. Мужчина остановился у самого входа, держась за косяк двери, и закрыл глаза. За полчаса до этого ему сообщили — его сын попал в реанимацию.

В то ноябрьское утро в областном городе было особенно промозгло. Первый снег, едва коснувшись асфальта, сразу же превращался в серую слякоть под колесами редких машин. Ветер задувал с реки, пронизывая до костей. Храм в честь иконы Божией Матери «Всех скорбящих Радость» стоял на пригорке, и его золотой купол, мокрый от дождя, тускло поблескивал в утренних сумерках.

Сергей Иванович Молчанов, водитель-дальнобойщик пятидесяти двух лет, в тот день вернулся домой очень злой. Рейс сорвался: фура встала намертво еще на выезде из города — что-то с топливной аппаратурой. Пока механики возились с ремонтом, пока ждал запчасть — драгоценное время ушло, а вместе с ним и хороший заказ. Он хлопнул дверью своей холостяцкой квартиры, швырнул ключи на тумбочку и уже собирался завалиться спать, когда зазвонил телефон.

— Отец, привет, — голос сына, Кирилла, звучал бодро, но с какой-то натянутой ноткой. — Слушай, я тут ремонт затеял, леса поставил. Одному тяжело, может, пособишь?

Кирилл жил в частном доме на окраине города. Сергей поморщился.

— Некогда мне, Кирилл! — рявкнул он в трубку. — У меня работа!

В трубке повисла пауза.

— Ладно, понял, — тихо сказал Кирилл и отключился.

Сергей бросил телефон на диван. Внутри поднималось чувство вины. Но он тут же привычно от него отмахнулся: «Я же обеспечиваю их. Недавно деньги им отправил — что еще от меня нужно? Больше ничего им не должен!» И провалился в тяжелый сон.

Разбудил его новый звонок — часа через три. Высветился номер Ларисы — бывшей жены. Она не звонила ему годами, только сухо поздравляла с днем рождения эсэмэской. А тут — звонок. Он сразу понял: случилось что-то неладное.

— Сережа, — голос ее срывался, захлебывался от рыданий. — Кирилл... с лесов упал... голова... реанимация

— Где он лежит, в какой больнице? — коротко спросил Сергей.

Лариса назвала городскую клинику. Дальше он не слушал. В ушах зашумело, перед глазами поплыли круги. Он бросил трубку, натянул куртку прямо на домашнюю футболку и выскочил на улицу.

Он шел, не разбирая дороги. Серые ноябрьские улицы, слякоть под ногами, мокрый снег за воротником. Мысль билась в голове одна: «Сын... мой сын...». Он не знал, куда идет. В больницу? Но что он там сделает? Будет сидеть под дверью и ждать, пока его пустят? Он привык решать проблемы силой и напором — на трассе иначе нельзя. Если колесо спустило — взял и поменял. Если двигатель забарахлил — разобрал и починил. А тут... тут он ничего не мог. Совсем ничего.

Ноги сами принесли его к храму. Дверь была приоткрыта, изнутри доносилось пение — негромкое, стройное, какое-то неземное. Сергей, сам не понимая зачем, шагнул внутрь — просто чтобы спрятаться от холода и дождя, а может чтобы перевести дух.

Отче наш

В храме было тепло и полутемно. Пахло воском и ладаном. Служба шла своим чередом. Сергей, прижавшись к стене у входа, озирался растерянно, не находя себе места. Иконостас мерцал золотом, лики святых смотрели строго и в то же время с какой-то непостижимой любовью. Он не понимал ни слова из того, что пел хор и возглашал диакон, но вдруг слух его уловил в общем потоке знакомые слова: «О плавающих, путешествующих, недугующих, страждущих... и о спасении их, Господу помолимся».

«Недугующих... страждущих...» — повторил он про себя. Это о Кирилле. О его сыне, который сейчас лежит в реанимации, опутанный проводами и трубками. Сергей поднял глаза на образ Спасителя. Строгий, но не суровый лик. Глаза, которые словно смотрят прямо в душу — в ту самую душу, которую Сергей всю жизнь прятал за броней грубости и напускного равнодушия.

Сергей не помнил, сколько простоял так, глядя в глаза Спасителя. Казалось, время остановилось

И вдруг наступила тишина — такая глубокая, что стало слышно, как потрескивают свечи. А затем священник в алтаре возгласил:

— И сподоби нас, Владыко, со дерзновением неосужденно смети призывать Тебе, Небесного Бога Отца, и глаголати...

И весь храм, как один человек, запел:

— Отче наш, Иже еси на небесех! Да святится имя Твое...

Сергей вздрогнул. Эти слова он помнил. Бабушка, тихая старушка в белом платочке, учила его когда-то, в далеком детстве. Он стоял, вцепившись побелевшими пальцами друг в друга, и слушал.

«Отче наш...»

«Отче». Слово будто пронзило его. Какой он отец? Бросил семью, откупился деньгами, был занят только собой, своей работой, своей свободой. Видел сына раз в полгода, звонил по праздникам. А теперь Кирилл, возможно, умирает, и он, Сергей, ничего не может сделать.

«Хлеб наш насущный даждь нам днесь...»

Что он дал своему сыну, кроме денег? Давал ли он ему то, что действительно нужно — любовь, время, участие? Вспомнилось, как десять лет назад на трассе он вытаскивал женщину с ребенком из горящей легковушки. Тогда он не думал о себе — просто разбил стекло и полез. Почему же для родного сына у него никогда не находилось времени?

«И остави нам долги наша, якоже и мы оставляем должником нашим...»

Его долг перед сыном казался непомерным. И он не может «оставить» его сам себе. Сергей вдруг понял простую и страшную вещь: он, возможно, впервые в жизни оказался в ситуации, которую не может «продавить» силой. В этом случае его напор, умение «решать вопросы» — ничто. Все, что он может — это просить о помощи.

Он опустил голову. По обветренному, продубленному ветрами лицу потекли слезы, смешиваясь с каплями растаявшего снега. Он не замечал их. Губы сами зашептали — хрипло, прерывисто, коряво:

— Господи... если Ты есть... если слышишь... помоги. Я не знаю, как... но я все исправлю... Только спаси моего сына...

Это не была молитва из Молитвослова. Но это был крик души, вырвавшийся из самой глубины. И в этот момент что-то в нем переломилось. Он признал свое поражение и слабость. Признал свою вину. И с этой минуты он уже не был прежним Сергеем.

Одинокая фигура у Распятия

После службы, когда храм опустел, иеромонах Евстахий, выходя последним из алтаря, заметил одинокую фигуру у Распятия. Мужчина лет пятидесяти, кряжистый, с коротким ершиком седых волос, стоял, опустив плечи. В больших мозолистых руках он мял мокрую кепку. Отец Евстахий, спокойный, немногословный священник с внимательным взглядом, подошел не сразу — дал человеку время помолиться.

— Мы скоро закрываем храм, — сказал он негромко. — Приходите на вечернюю службу.

Сергей поднял тяжелый взгляд. И вдруг заговорил — глухо, отрывисто, словно выдавливая из себя каждое слово. Рассказал все: о сыне, о разводе, о своем бессилии.

Отец Евстахий слушал, не перебивая. Потом, помолчав, произнес:

— Вы сделали самое главное. Перестали надеяться только на себя. Господь не случайно привел вас сюда. Молитва — это дверь. Вы начали ее открывать.

— Я не умею молиться, — хрипло ответил Сергей. — Я и слов-то молитв не знаю.

— А вы уже начали молиться, — мягко возразил священник. — Не слова важны, а сердце. Приходите. Будем молиться вместе. Постепенно научитесь. Но помните и другую важную вещь. Грех, — добавил он тихо, — словно камень, брошенный в воду. Круги расходятся далеко. Иногда они касаются и самых близких, особенно наших детей. По учению святых отцов, наши грехи отражаются на всем мире, не только на нас. На Суде Божиим каждый понесет ответственность за свои личные грехи, но в этом мире мы терпим скорби как за свои грехи, так и наших близких, и далеких.

— Да, я много нагрешил, — горько вздохнул мужчина. — Особенно после развода. Да и когда вместе жили — мира не было, одна ругань. Но что же делать? Неужели ничего нельзя изменить?

— Покаяние все меняет, — мягко ответил священник. — «Покаяние — это не просто сожаление, а перемена ума и жизни». Начните с этого. Покаяние омывает от грехов. Следовательно, оно может, а часто и действительно избавляет и от их последствий.

Он протянул Сергею маленькую бумажную иконку Спасителя.

— Это вам. И запомните: «для истинного покаяния не нужны ни годы, ни месяцы, а мгновение решительного поворота от грешной жизни к жизни во Христе».

Надежда

В больницу Сергей ехал, прижимая иконку в кармане к сердцу. Врач из реанимации нейрохирургического отделения вышел только через час и говорил сдержанно:

— Состояние стабилизировалось, отек мозга спадает, динамика положительная.

Еще он говорил о правильно подобранной терапии и надежде на выздоровление. Но Сергей верил: это не просто терапия. Это ответ на его первую, неумелую, но искреннюю молитву.

Он сидел в больничном коридоре на жестком стуле и смотрел на закрытую дверь реанимации. За этой дверью боролся за жизнь его сын. А он, Сергей, впервые за много лет просто ждал — без злобы, без раздражения, без желания все «продать», ускорить. Он учился ждать и верить.

Исповедь

С того дня Сергей стал приходить в храм. Сначала — из страха: боялся, что если перестанет молиться, кризис вернется. Стоял на службах, не понимая многого: слова молитв были

чужими, пение — незнакомым. Но сердце чувствовало: ему здесь нужно быть. Он вглядывался в лики икон, вслушивался в чтение Евангелия, и постепенно страх сменялся потребностью. Он уже не мог не приходить в храм.

Настал день первой исповеди. Сергей долго не решался, но отец Евстахий сам позвал его после вечерней службы, когда храм почти опустел. Сергей встал перед аналоем с крестом и Евангелием, опустил голову и молчал. Слова не шли.

— Расскажите все, как есть, — тихо сказал священник. — Господь знает ваше сердце.

И Сергей заговорил. Урывками, путано, повторяясь. О том, как бросил жену с маленьким сыном, оправдывая себя работой. Как годами отделялся от них деньгами, боясь душевной близости. Как кричал на Кирилла, когда тот просил помощи. Он перечислял грехи, словно грязь вытряхивал из уголков души. Отец Евстахий слушал, не перебивая, лишь иногда кивал.

Когда мужчина умолк, священник накрыл его голову епитрахилью и прочитал разрешительную молитву. Сергей вышел из храма с ощущением, будто с плеч сняли многопудовый груз. Он не стал сразу идеальным. Продолжал водить фуру, иногда срывался на других водителей, мог резко ответить. Но теперь у него появился ориентир — Христос. Он начал замечать людей: старушку, которой помог донести сумки, парня на трассе, которому уступил дорогу. Учился прощать и просить прощения.

Через три недели Кирилл перевели в общую палату. Врачи разводили руками: динамика удивительная. А Сергей, стоя в больничном коридоре, крестился неумело и шептал: «Слава Тебе, Господи».

А потом был разговор с сыном. Первый настоящий за много лет. Кирилл лежал в палате, бледный, с заживающим шрамом на виске. Сергей сел на край кровати, долго молчал, теребя в руках край халата.

— Сынок... — голос его дрогнул. — Прости меня. За все. Я... я не был тебе хорошим отцом. Боялся. Деньгами откупался. А ты... ты чуть не погиб из-за меня.

Кирилл смотрел в потолок. Молчал. Пауза длилась мучительно долго.

— Я не держу зла, отец, — наконец сказал он тихо. — Просто... я все эти годы не знал тебя. Ты всегда был где-то далеко. Я уже привык.

— Теперь я хочу быть рядом, — Сергей сжал его руку. — Если позволишь.

Кирилл повернул голову, посмотрел на отца. В его глазах стояли слезы.

— Позволю. Только... не исчезай больше.

Они обнялись — неуклюже, по-мужски. Первый шаг к примирению был сделан.

Через месяц Кирилл, еще прихрамывая, впервые переступил порог храма. Он пришел сюда вместе с отцом и они встали у иконы Спасителя рядом. Отец Евстахий, глядя на них, тихо улыбнулся и подумал: «Мы ждем от Бога ответа на наши молитвы, иногда даже чуда. И Богу нетрудно это нам дать. Но прежде Он ждет от нас покаяния».

Пока горит лампочка

Глава 1. Призрак из прошлого

Лампочка выскользнула из огрубевших пальцев и с глухим хрустом разлетелась по линолеуму. Андрей стоял в дверях, не чувствуя, как сумка с инструментами медленно сползает с его массивного плеча.

На кухне горел дешевый плафон. Под ним, сгорбившись на старом табурете, сидел чужой старик в темно-сером пальто. Он неловко поднялся, держа в дрожащей руке чашку его покойного отца — той самой, с трещиной у дна. На столе — раскрытая пачка дешевых карамелек и коробка с лампочками.

Мать сказала усталым, почти чужим голосом:— Андрей это твой отец.

Эти тихо, с трудом произнесенные слова прозвучали для Андрея как гром с неба. Он молча развернулся в тесной прихожей и вышел, с силой хлопнув входной дверью так, что со стены слетела и повисла на одном шурупе старая вешалка.

Глава 2. Письма

Всю жизнь он создавал себя. Собирал по кускам, как проводку в старом щитке, — чтобы нигде не коротило и не искрило. В основе всего лежала одна, въевшаяся в память картина.

Когда ему было семь, в их дверь позвонили. Двое в милицейской форме оттеснили мать плечом и прошли в комнату. Один, с багровым лицом и тяжелым взглядом, глянул на мальчика и процедил: «Ну что, пацан, вырастешь таким же алкашом?»

Через месяц в школе кто-то написал мелом на его парте: «Крылов — сын зэка». Андрей тогда избил одноклассника так сильно, что мать потом стояла в кабинете директора с побелевшим лицом и повторяла, как заведенная: «Его отец умер. Вы слышите? Умер».

К сорока двум Андрей стал крепко сбитым мужчиной с вечно напряженным лицом, коротко стриженными темно-русыми волосами и тяжелым взглядом серых внимательных глаз. Говорил отрывисто, будто каждое слово приходилось вытаскивать силой. Даже дочь звонила ему редко — знала: разговор закончится либо раздражением, либо неловким молчанием. Он был электриком в торговом центре. В разводе, с бывшей женой почти не общался. Одевался всегда практично: темные джинсы, свитер грубой вязки или старая куртка с логотипом торгового центра на спине.

Обида на отца была не просто болью — она стала фундаментом его жизни. Именно на него Андрей привык списывать все: свою резкость, неумение прощать, одиночество.

В ту ночь он впервые за много лет напился. Сидел на своей кухне, сжимая фужер, а перед глазами стояла дрожащая рука старика. Почему она дрожала? От страха? От старости? И почему у него были такие же тяжелые, натруженные пальцы, как у самого Андрея?

На следующий день он ворвался к матери и, не снимая ботинок, с порога стал кричать:— Какого ляда, мам?! Ты мне всю жизнь врала! Ты сказала, что он бросил нас! Сбежал к бабе, спился и умер!

Валентина Сергеевна не отступила. Она выпрямилась, и в ее покрасневших глазах блеснула старая, почти забытая сталь. Высокая, сухая, с коротко стриженными крашеными каштановыми волосами, у корней которых упрямо пробивалась седина, она стояла посреди кухни в своем неизменном темно-синем домашнем халате, застегнутом до самого горла. Тонкие губы сжаты в нитку, на высоких скулах выступил лихорадочный румянец. Ее большие, когда-то кра-

сивые руки, привыкшие за жизнь ставить уколы и менять повязки, судорожно теребили край кухонного полотенца.

— А что мне было тебе сказать?! Что твой отец сидит за убийство? Ты был маленький! Ты ночами задыхался от страха! Я тебя спасала!

Она почти рухнула на стул, тяжело, по-стариковски.— Я хотела, чтобы ты жил нормально! Без этого позора!

Потом, глядя куда-то мимо сына, добавила тише:— Когда он вернулся, сильно пил тогда. Стоял под окнами, кричал, требовал увидеть тебя. А потом потом он сам этого стыдился. Бросил пить — после инфаркта. Но я уже не могла по-другому.

Она устало потерла лоб.

— Ты не видел его тогда, Андрей. После зоны, после запоев Я сама его боялась. И себя боялась. Думала — подпущу снова, и все опять развалится.

Она встала, выдвинула ящик старого комода и достала оттуда коробку из-под обуви, пережатую канцелярской резинкой. Внутри лежали пожелтевшие конверты.— Вот. Он тебе из колонии писал. Каждый месяц. Может, теперь поймешь. Может, тогда и меня простишь.

Андрей, сам не зная зачем, выхватил у нее из рук коробку.

— Вы оба мне ввали, — сказал он глухо и вышел вон, хлопнув дверью.

Гнев прошел, но появилась какая-то досада. Дома бросил коробку на верхнюю полку шкафа, даже не открыв. Хотел, чтобы все оставалось по-прежнему. Но по-прежнему уже не получалось.

Глава 3. Надоедливый старик

Через день Андрей снова приехал к матери — проверить проводку в коридоре, которую сам же и оборвал, хлопнув дверью. Еще с лестничной клетки услышал металлический скрежет. На кухне, стоя на коленях, его отец — худой, сутулый, седой старик с выцветшими голубыми глазами — менял прокладку под раковиной. Большие рабочие руки ловко орудовали разводным ключом.

— Я уже все, Андрюш, я уйду, — пробормотал он.

Андрей ничего не сказал. Но его передернуло от этого «Андрюш» и от того, как ловко старик разобрался с раковиной — по-хозяйски, словно имел на это право.

Через неделю он застал его снова. Виктор Павлович сидел в прихожей и прикручивал новый звонок — мать жаловалась на сердце от треска старого. Потом он подклеивал ножку табурета, которая шаталась уже лет десять. Делал это медленно, бережно, придерживая деревяшку коленом.

И тут Андрей сорвался:— Ты двадцать лет где был?! Чего ты теперь ходишь, как хозяин? Лампочки он меняет, звонки вешает Думаешь, откупиться?

Старик замер. Распрямился медленно, держась за поясницу. Посмотрел на сына, и в выцветших глазах мелькнуло что-то похожее на давнюю, застарелую боль.— А тебя ко мне пускали? — спросил он тихо. — Я три раза приезжал после освобождения. Под окнами стоял. Я тебе письма писал. Ты хоть одно прочитал?

Виктора Павловича вдруг согнуло пополам от кашля — сухого, надсадного. Он схватился за край стола. На тыльной стороне ладони остался темный след. Это была кровь. Андрей растерянно смотрел на темное пятно. Раздражение ушло, оставив место недоумению.

Глава 4. Неожиданный свидетель

Правда открылась ему неожиданно. В местной аптеке, куда он зашел за таблетками для матери, перед ним стоял сухонький дедок с тяжелой тростью. Андрей машинально положил

рецепт на стойку, и тут старик, бросив взгляд на фамилию, вдруг оживился:— Крылов? Виктора, что ли, сын? Это был бывший участковый.— Отец-то твой не был бандитом. Дураком был — да, — он тяжело вздохнул, — но не подлецом.

Старик разговорился неожиданно легко — видно было, что прошлое давно стало для него важнее настоящего. Он рассказал все: как пьяная компания приставала к беременной женщине возле ДК, как Виктор, молодой сварщик, заступился, как один из хулиганов достал нож. В драке тот неудачно упал — виском на бетонный бордюр. Смерть и срок.— Он на суде даже оправдываться толком не стал. Все твердил: «Лишь бы мальчишку моего не трогали».

Андрей вышел на крыльцо и закурил дрожащими руками. Он не сразу осознал услышанное и стоял в полном замешательстве

Тот ноябрьский вечер выдался промозглым и ветреным. С темного, низко нависшего неба сеял мелкий ледяной дождь, стуча по голым черным веткам тополей и стекая в лужицы в выбоинах асфальта. Андрей с лекарствами к матери. У самых дверей, в желтом дрожащем пятне фонаря, он увидел отца.

Виктор Павлович стоял, прижимая к груди пакет. Увидел сына, дернулся навстречу — и вдруг закашлялся. Страшно, надсадно, всем телом. Пакет выскользнул из ослабевших пальцев и упал на мокрый асфальт.

По асфальту раскатились мандарины — ярко-оранжевые шары на черной дороге. За ними выпали таблетки и несколько новеньких лампочек, которые чудом не разбились.

Виктор Павлович начал медленно оседать на колени.

Андрей бросил сумку. Подхватил отца под мышки. И первое, что его поразило — легкость. Тот, кого он всю жизнь представлял огромным и давящим, весил как ребенок. Сквозь мокрую рубашку Андрей чувствовал дрожащие, выступающие ребра, частое, сбивчивое дыхание.

Старик вцепился в рукав его куртки с неожиданной, отчаянной силой и прохрипел:— Андрюх ты только мать не ругай Она не со зла

Это «Андрюх» — хриплое, беспомощное, почти детское — ударило сильнее, чем любой крик.

— Скорая! — рявкнул Андрей в темноту двора. — Вызовите кто-нибудь скорую!

Но никто не отозвался. Он опустил отца на скамейку, придерживая его за плечи, и дрожащими руками набрал 112.

Глава 5. Духовная больница

В больнице лечащий врач, усталая женщина с темными кругами под глазами, сказала прямо:— У вашего отца рак легких. Четвертая стадия. Попробуем химию. Но вы должны понимать процесс уже зашел слишком далеко.

Андрей стоял, прислонившись плечом к дверному косяку, и чувствовал, как внутри все немеет. Он машинально отметил трещину на потолке и, как профессионал, то, что одна лампочка в плафоне перегорела.

Когда он вошел в палату, Виктор Павлович лежал под серым казенным одеялом, еще более худой и бледный, чем вчера. Андрей сел на скрипучий стул рядом с кроватью.

Первым заговорил отец:— Ты это не вини себя. Я давно уже знал. Просто не хотел вас тревожить. Андрюш тут такое дело Сходим в храм? Где тебя крестили. Я после химии оклемаюсь немного, и ходим. А?

В его выцветших глазах мелькнула надежда — робкая, почти детская. Видно, что с этим храмом у него были связаны какие-то важные воспоминания.

— Сходим, — сказал Андрей коротко, и горький ком подкатил к горлу. — Ты только поправляйся давай

Через две недели, после первого курса химиотерапии, они сели в автобус и поехали на окраину города — туда, где возле старого кладбища стоял маленький храм.

На литургии было немногочисленно. Пахло ладаном и воском. Отец стоял, тяжело дыша. Андрей был рядом, у колонны, и не знал, куда деть руки. Он не молился. Просто смотрел, как старушки в темных платках подают записки, как дрожит огонь в лампаде у иконы Спасителя.

После Евангелия священник вышел на амвон и в проповеди напомнил слова Спасителя: «И когда стоите на молитве, прощайте, если что имеете на кого, дабы и Отец ваш Небесный простил вам согрешения ваши».

Андрей опустил глаза. Простить — оказалось труднее, чем он думал. Даже теперь внутри еще жило прежнее: обида, стыд, злость на мать, на себя, на этого умирающего старика. Но впервые за много лет он почувствовал не ненависть, а жалость.

Дома, после литургии, Андрей достал из шкафа коробку. Потрясенный, Андрей перечитывал письма отца. Там не было жалоб — только беспокойство о нем и о матери. В одном отец писал: «Я не прошу тебя меня прощать. Я прошу только, чтобы ты вырос хорошим человеком».

А потом была та ночь в палате. Виктор Павлович лежал, белый, как простыня, и дышал тяжело, с присвистом. Андрей сидел рядом на скрипучем больничном стуле. Старик вдруг с трудом разлепил веки и прошептал, глядя в потолок:

— Прости меня, сынок что жизни тебе нормальной не дал.

Андрей не ответил, только сжал холодную руку отца. Он плакал молча, по-мужски, пряча лицо в тень. И почувствовал, как слабые пальцы старика отвечают ему почти неуловимым пожатием.

Под утро его дыхание стало реже и тише. Виктор Павлович уже не открывал глаз, только все пытался нащупать рукой ладонь сына. Андрей сидел рядом до самого конца.

Когда за окном начал сереть рассвет, отец тихо выдохнул — и больше не вдохнул.

Глава 6. Мягкий свет

После похорон, скромных и тихих, они стояли рядом с отцом Алексием, немолодым священником с хрипловатым голосом, у покосившейся ограды. Андрей, сам не понимая зачем, поделился с ним своей историей. Священник долго молчал, глядя на свежий холм земли, а потом сказал:

— Знаешь, Андрей, самое страшное — не когда человек умер, а когда ты его в своем сердце похоронил. Ты тридцать лет в душе жил со своей обидой. А обида — она ведь всегда глухая. Ей чужих слов не слышно. Так и ты был глух и слеп. Господь же открывает правду только тогда, когда человек уже способен ее принять.

На следующий день Андрей поехал к матери. Валентина Сергеевна совсем сдала. Сидела на кухне, ссутулившись, и бесцельно перебирала рукой дешевые карамельки. В коридоре снова перегорела лампочка.

Андрей молча принес табурет, вкрутил новую, поправил старый патрон, осторожно придерживая плафон. Мать, наблюдая за ним, сказала негромко:— Ты очень похож на него

Лампочка мигнула и загорелась, залив тесную прихожую мягким желтым светом. Андрей посмотрел на нее и впервые за много лет ответил без злости:— Я знаю, мам.

Он слез с табурета, достал из кармана телефон и набрал дочери. Гудки шли долго. Он уже почти сдался, когда в трубке раздалось сонное, недовольное:— Пап, ты чего? Я еще сплю!

— Ничего, Лиз, — сказал он севшим голосом. — Я просто так. Извини. Я позже наберу.

Он положил трубку, постоял и вдруг чему-то улыбнулся. Потом подошел к матери и неожиданно обнял ее за плечи.

За окном валил снег, укрывая город белым, чистым одеялом.

Крёстная

Часть 1. Болезнь

Марина открыла дверь и увидела сестру с опухшим от слёз лицом. Она стояла, прижимая к груди клетчатый пакет.

— Кате стало хуже, — выдохнула Наталья потрескавшимися губами, нервно теребя край полиэтилена. — Её кладут в больницу. Я прошу тебя об одном — сходи в храм. Ты ведь крёстная.

Марина раздражённо хотела отмахнуться привычным: «Я занята», — но взгляд сестры, в котором была отчаянная мольба, остановил её. Она промолчала.

Только сейчас Марина заметила, как страшно похудела Наталья: из-под выцветшего ворота кофты проступали острые ключицы, а в её русых, когда-то густых волосах блестела целая серебряная прядь у самого виска — словно седина пробилась за одну эту бессонную ночь. И от этого почти незаметного чужому глазу изменения сестры у Марины что-то оборвалось внутри. Она вдруг отчётливо поняла, что не сможет оставить сестру одну с её горем.

К тридцати трём годам Марина привыкла считать, что её жизнь удалась. Аккуратные стрелки на глазах, безупречное омбре на русых волосах и ни одного лишнего сантиметра на талии — всё было под контролем. «Салон Марины» на Октябрьском проспекте приносил стабильный доход, позволяя раз в полгода летать в Сочи. Она десять лет назад, после развода родителей, дала себе обещание: больше никогда не зависеть ни от чьего настроения и никого к себе не подпускать слишком близко. Даже к сестре, которая иногда плакала у неё на плече, Марина применяла принцип «холодного ума» — перевела деньги, но души ей не открыла. Она согласилась стать крёстной для Кати только потому, что это красивый обряд, который не отнимет много времени. Сделала дорогой подарок — и можно забыть до следующего дня рождения.

Вечером в тот день, оставшись одна в своей светлой квартире в спальном районе, купленной в ипотеку, с видом на соседнюю высотку, Марина неожиданно поняла, что ей страшно. Её объяла не та привычная деловая тревога о кредитах и прибыли, а какая-то глубинная, холодная дрожь, которая поднималась с самого дна души. Она села за стол, заваленный глянцевыми журналами, открыла ноутбук и, почти бессознательно набрала в поисковике: «молитва крёстной матери». А потом заплакала. Слёзы были жгучими, они смывали тушь, оставляя грязные разводы на щеках, и вместе с ними будто таяла тонкая ледяная корка, которой она обложила своё сердце.

На другой день, с красными глазами, без макияжа, она впервые за много лет зашла в храм. Дверь была тяжёлой и поддавалась с трудом. Внутри пахло ладаном. Марина неловко перекрестилась и подошла к свечному ящику. Купила свечу и оглянулась, не зная, куда её поставить. Взгляд упал на икону Божией Матери «Скоропослушница».

— Перед ней молятся в самых безнадежных случаях, — поймав её взгляд, сказала пожилая свечница.

— Я совсем не знаю молитв, — неуверенно произнесла Марина. — У меня крестница сильно болеет. — Тогда купите вот этот Молитвослов — там есть раздел «Молитвы на всякую потребу» и «О болящих», — участливо предложила церковница.

Марина купила в церковной лавке Молитвослов в твёрдом переплёте и стала листать его. Вскоре она нашла нужный раздел с молитвами о болящих ко Господу, Божией Матери, целителю Пантелеимону. Взгляд её упал на совсем коротенькую: *«Пресвятая Богородица, все-
сильным заступлением Твоим помоги мне умолить Сына Твоего, Бога моего, об исцелении рабы*

Божией Кати», — прочитала она и вдруг заплакала. А с иконы на неё смотрели грустные и понимающие глаза Богородицы.

Часть 2. Больница

В больнице Катя лежала в палате на трёх человек, и воздух здесь пах лекарствами и озоном от кварцевой лампы. На тумбочке стоял увядший букет в пластиковой бутылке из-под воды — мамин, наверное, из дома. Девочка спала, сжавшись калачиком на железной койке. Волосы после химиотерапии почти полностью выпали, и бледную головку покрывал мягкий ситцевый платок в горошек. Под полупрозрачной кожей маленькой руки просвечивали синие нити вен. Восемь лет — а выглядела она на шесть, не больше.

Марина села на шаткий стул возле кровати и вдруг вспомнила, как держала эту маленькую ладошку семь лет назад у купели. Тогда она думала только о том, как быстрее уйти на фуршет, а священник говорил о какой-то ответственности перед Богом. Ей это показалось тогда пустыми словами.

Марина оглянулась. На соседних койках лежали две девочки — постарше, лет одиннадцати, с абсолютно лысыми головами и одинаковыми синими повязками на глаза: они играли в угадайку, тыкая пальцами в раскрытую книжку-раскраску. У ближней на запястье торчала капельница — прозрачная трубка тянулась к пакету с желтоватой жидкостью, мерно капавшей в такт тиканью настенных часов. Дальняя девочка вдруг сдвинула повязку на лоб, глянула на Марину блестящими карими глазами, ничуть не смутившись, громко спросила:

— А вы к Кате? Она хорошая, только очень грустная.

И тут же вернула повязку на место, продолжая водить пальцем по странице. Марина сглотнула — эти дети, с их привычной игрой посреди больничной тоски, показались ей страшнее любой тишины.

Часть 3. Евангелие от Луки

На третье посещение она принесла Евангелие — небольшую книжечку, которую ей дал доброволец на входе в больницу. Это был парень по имени Сергей — студент семинарии, в очках с металлической оправой, которые вечно сползали на нос. Он оказался православным волонтером, помогавшим в детском отделении.

— Я как-то лежал здесь с тяжёлым диагнозом. В больнице понял — здесь моё место, среди человеческого страдания, — сказал он, поправляя очки, когда она спросила, зачем он это делает.

Его лицо было некрасивым: крупные черты, ранние залысины, зато глаза — синие-синие, как весеннее небо, — светились такой теплотой, что становилось не по себе.

— Почитай мне, тётя Марина, — слабым голосом попросила Катя, когда проснулась и увидела в руках крестной книгу.

И Марина начала читать. Неуверенно, спотыкаясь на непонятных словах, которые пестрели на каждой странице, — а потом всё громче и твёрже. Когда она читала Евангелие от Луки:

«Все плакали и рыдали о ней. Но Он сказал: не плачьте; она не умерла, но спит. И смеялись над Ним, зная, что она умерла. Он же, выслав всех вон и взяв её за руку, возгласил: девица! встань. И возвратился дух её; она тотчас встала, и Он велел дать ей есть» (Лк.8:52-55),

голос у неё сорвался, она сбилась и замолчала.

И тогда маленькая Катя, которая почти не реагировала на окружающих, вдруг открыла глаза, долго и пристально посмотрела на Марину, а потом молча положила свою крошечную горячую ладонь поверх её руки. И замерла.

Часть 4. Молитва

Через две недели Марина уже знала всех детей по именам. Она помогала волонтерам, читала девочкам сказки, а сама каждое утро начинала с молитвы Богородице и великомученику Пантелеимону, хотя слова тяжело ей давались. Однажды Сергей вручил ей записку с молитвой святителю Луке, которую она потом выучила наизусть.

Марина перестала бесконечно проверять отчёты по телефону, уволила администраторшу, которая постоянно обсчитывала клиентов, а часть прибыли начала переводить в благотворительный фонд. Реклама нового ботокса больше не интересовала её — теперь она листала не ленту соцсетей, а Молитвослов в твёрдом переплёте, купленный в церковной лавке. Слова «Господи, помилуй» сначала казались чужими, но с каждым днём всё больше входили в ритм её жизни.

— Знаешь, — сказала как-то Наталья, глядя на сестру, которая помогала персоналу разносить еду. — Ты изменилась. Я тебя не узнаю.

Марина промолчала.

Врач, пожилой онколог с сединой на висках, и старшая медсестра, которая украдкой крестилась каждый раз, когда проходила мимо иконы в коридоре, — не скрывали удивления тем, как быстро пошла на поправку девочка. Показатели Кати выровнялись. Лейкоциты пошли вверх, температура спала. А Марина каждый вечер опускалась на колени перед иконой Спасителя и шептала слова, которые выучила за эти недели: «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй нас, грешных».

В день выписки Катя, уже с бледным пушком на голове, похожая на одуванчик, подбежала к Марине и обняла.

— Я теперь тоже буду крестной, когда вырасту, — серьёзно сказала она. — Как ты. Сильной.

Марина заплакала, глядя её по макушке, и не могла сдержать себя.

Часть 5. Благодарность

Через месяц, холодным весенним утром, когда небо было бледно-голубым, а по асфальту бежали быстрые талые ручьи, Марина вошла в храм. Она подошла к иконе Богородицы, перед которой теплилась лампада, и опустила в ящик для пожертвований конверт. В нём был её «неприкосновенный запас», отложенный на очередную поездку в Сочи. В это время с низкого клироса тихо пели «Взбранной Воеводе». Марина долго стояла, глядя на огонёк лампады, и шептала слова благодарности.

Выйдя на паперть, она достала телефон и набрала номер Натальи.

— Я тут подумала, — сказала Марина, вдыхая холодный весенний воздух, пахнувший оттепелью и свежей землёй. — Кате нужна будет реабилитация. Я нашла центр и оплатила первый курс.

Где-то за облаками, на звоннице, ударил колокол, и звук поплыл над крышами, растворяясь в чистом небе. Марина убрала телефон и не спеша перекрестилась. И почувствовала, как горячая волна от сердца разливалась по всей груди.

Сбор закрыт

Глава 1. Скандал

В то воскресенье скандал случился прямо у свечного ящика.

— Оленька, а куда ты дела те двести тысяч, что мы насобирали на операцию Данечке?

Народ уже расходился, пахло остывающим воском и ладаном, сквозь высокие окна лился серый ноябрьский свет. У свечного ящика, как всегда, хлопотала Ольга Сергеевна — высокая, статная, с тугой русой косой, уложенной вокруг головы, и быстрыми, уверенными движениями. Ее громкий голос разносился по притвору, перекрывая гул прихожан. Елена Петровна, член попечительского совета, дама грузная, с дорогим платком и хорошо поставленным голосом и привычкой резать правду-матку, подошла вплотную, оперев руки в бока:

— Родители говорят — им ничего не перечислили. Ты уж объясни людям!

Обернулись почти все, кто еще оставался в храме.

Ольга замерла, так и не опустив руку с запиской. Щеки ее медленно зарумянились. Побелели даже костяшки пальцев, сжимавших бумажку. В воздухе повисла звенящая тишина. Ольга огляделась, ища поддержки, но лица немногочисленных оставшихся прихожан были отстраненными, а кто-то просто отводил глаза. Она еще не знала, что двумя часами раньше выложили в церковный чат скриншоты с суммами и едкой пометкой: «деньги исчезли». Знала она одно: двести тысяч действительно зависли по непонятной причине. Но они не украдены.

Глава 2. Ольга

Она пришла в наш храм после третьего выкидыша — молодая, горячая, с лихорадочным блеском в серых глазах. Господь не дал ей своих детей, и она, как часто бывает, включилась в церковную жизнь с неистовой силой. Организовывала сборы на лечение чужих ребятишек, обивала пороги благотворительных фондов, находила врачей, договаривалась о квотах: на лечение ребенка с онкологией, на операцию подростку после ДТП, на помощь дальним монастырям. Приход ее уважал, но и побаивался: спорить с ней было бесполезно, она всегда оказывалась права.

Помню, как однажды после собрания я ей сказал:

— Ольга Сергеевна, вы много на себе несете. Тяжело, наверное.

Она отмахнулась:

— Без меня никто не соберет, батюшка. Люди просто не сумеют.

Тогда я списал это на энтузиазм неофита.

Дома у Ольги было неладно. Муж Алексей, инженер-проектировщик, сутуловатый, с ранней сединой в черных волосах на висках и усталыми, словно выцветшими синими глазами, в храм не ходил. Он не спорил с женой, но все больше отстранялся. Вечерами она сидела в чатах и созвонах, а он ужинал в одиночестве перед телевизором.

— Ты живешь в своем кругу, — сказал он ей как-то устало, — и не замечаешь, что меня уже лет пять нет рядом.

Ольга раздраженно махнула рукой, мол «ты не понимаешь»: сбор на операцию семилетнему Дане из глубинки как раз набирал обороты.

Глава 3. Катастрофа

Именно этот сбор и дал трещину. Сумма большая, сроки сжатые. Ольга взялась с привычной энергией. Но в середине сбора часть средств зависла. Со стороны это выглядело как исчезновение. Родители Дани, под давлением родственников, начали задавать вопросы.

Елена Петровна сама когда-то стала жертвой церковного мошенника, исчезнувшего с пожертвованиями на колокол. С тех пор любое подозрение в подобных историях вызывало у нее почти болезненный страх. Потому и подошла она к Ольге не только с возмущением, но и с давней, незажившей тревогой.

Вечером того дня Ольга осталась одна. Алексей после короткого, тяжелого разговора ушел в спальню, плотно прикрыв дверь, — и в этой закрытой двери было больше горечи, чем в любых словах. Она сидела на кухне, вцепившись в телефон.

Чат не умолкал. Сперва осторожные вопросы, потом резче: «Вечно она все контролировала, вот и доконтролировалась». Кто-то из тех, с кем она годами делила радости и беды, написал: «Я всегда говорил — слишком любит чужими деньгами распоряжаться». Она перечитала эту фразу трижды и не узнала автора.

Телефон дрожал в ее пальцах. Хотелось крикнуть всем: «Я не воровка, вы же меня знаете!» Набрала: «Это ошибка банка, не я». Отправила. Тут же прилетело: «Конечно, все так говорят». А следом — ее же фотография с коробкой для пожертвований и подпись: «Вот так и собирают. А куда — никто не знает».

Староста соседнего прихода написал коротко: «Наш храм с такими людьми сотрудничать не будет». Не с ней. С «такими людьми».

Ольга отложила телефон. В тишине кухни она услышала собственное дыхание — частое, рваное, испуганное. И поняла: это не спор и не выяснение правды. Это суд, на котором ее признали виновной еще до того, как она успела открыть рот в свое оправдание.

В тот же вечер мать другого больного ребенка, напуганная слухами, в эмоциональном порыве подала заявление в полицию о мошенничестве. На следующий день Ольгу вызвали к следователю — не как обвиняемую, а «для выяснения обстоятельств», но сам вызов перепугал ее до полусмерти.

Секретарь из епархии холодно потребовал письменного объяснения от настоятеля.

А родители Дани под чужим давлением написали в чат: «Мы благодарны Ольге, но вынуждены просить перевести остаток другому координатору. Простите нас». Это было, как нож в спину.

Добавилась новая беда: чиновник из департамента здравоохранения, от которого зависела квота на операцию, рявкнул в трубку:

— Мне передали, что у вас сбор закрыли из-за хищений. Вы понимаете, что подставляете и нас? Квоту могут отозвать! — и бросил трубку.

Доверие рушилось как карточный домик.

Глава 4. Беда не приходит одна

Самый страшный разговор случился через день дома. Алексей встретил ее в прихожей. Он не кричал, только стоял, сутулый, с красными от недосыпа глазами, и говорил устало:

— Ты живешь в своем мире, Оля. Чужие сборы, чаты А мы с тобой кто? Я так больше не могу.

Ольга смотрела на него и впервые увидела не досадную помеху, а живого, любящего человека, которого она годами не замечала. Ответить не смогла, лишь подавлено вздохнула.

Он взял куртку и ушел, тихо прикрыв дверь. Ольга осталась одна в пустой квартире.

Начались бессонные ночи, навязчивые мысли: «За что? Я ведь не для себя», и чувство предательства. В храм она больше не заходила — не могла переступить порог, где на нее смотрели как на воровку

Услышав разговоры об этой истории, я сразу почувствовал: ничем хорошим это не закончится. В церковной среде слух распространяется быстрее звука. Уже за два дня до общего собрания ко мне подошли трое — с вопросами, от которых веяло тем самым, знакомым каждому священнику запахом: скандал. «Правда ли, что Ольга...» — начинали они и не договаривали, отводили глаза. Я отвечал, что ничего толком не знаю, и чувствовал себя неудобно. А приходская группа в телефоне накалялась с каждым часом.

К тому воскресенью, когда собрался приходской совет, я уже знал: мира не будет. Слишком много пересудов, слишком много глаз, горящих тем особенным огнем, какой вспыхивает при чужой беде.

Едва расселись, как пожилой алтарник резко бросил:

— Отстранить ее от всякой деятельности! Пока нас всех не опозорила!

Несколько голосов поддержали его разом. Я оглядел лица — знакомые, прихожан, с которыми служил не один год, — и вдруг увидел, как легко они подхватывают обвинение. Не от злобы, нет. От страха, что тень упадет на весь приход.

Тут поднялась Надежда Федоровна, многодетная мать, женщина обычно тихая:

— Может, сперва все выясним? Ольга столько лет помогала

Но ее голос утонул в общем шуме.

Говорить публично я не люблю, но тут само прорвалось:

— Человека осудили, даже не попробовав разобраться. Так нельзя!

Повисла пауза. Настоятель, отец Виктор, немолодой, усталый протоиерей, с вечной тревогой в душе перед епархиальными вызовами, посмотрел на меня с неожиданным облегчением:

— Отец Евтихий, проведи внутреннюю проверку. Благословляю.

Так я стал следователем поневоле.

После собрания, когда все разошлись, Надежда Федоровна подошла ко мне — негромко, чтобы никто не слышал:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.